

Об идеальной среде для преподавания археологии

Речь проф. Л.С.Клейна на юбилее кафедры археологии Санкт-Петербургского университета 19.10.2016

Л. С. Клейн

Об идеальной среде для преподавания археологии

Нацеленность на идеалы. Кафедра археологии, юбилей которой мы отмечаем, переживает нелегкие времена. Не скажу худшие – бывало хуже. Не скажу и лучшие – бывало куда лучше. Но равняться на прошлое, каким бы оно ни было успешным, не обещает успеха в будущем. Поэтому я, с позиции своих 90 лет и 70 лет в археологии, постараюсь очертить ту идеальную среду, которая на мой взгляд, нужна для того, чтобы преподавание археологии было наиболее успешным.

Я понимаю, что это вряд ли достижимо в скорости, что идеал очень далек от реальности, что это не осуществимо ни сегодня, ни завтра, что не до жиру – быть бы живу, но идеал всегда нужно иметь перед внутренним взором, чтобы двигаться в верном направлении.

Не стоит бояться забегания вперед. В 1972 году, т. е. почти полвека назад, Всеволод Сергеевич Сорокин, бывший тогда ученым секретарем ЛОИА выдал мне такой отзыв на теоретическую работу:

«...работа Л. С. Клейна представляет собой нечто новое для советской археологии. Более того, в настоящее время большинство советских археологов ни по специфике своих профессиональных знаний, ни по психологии, ни технически не готовы к тому, чтобы принять общую теорию археологии предлагаемую Л. С. Клейном, ни хотя бы оценить ее по достоинству».

Он тогда рекомендовал ее к печати, но она, конечно, не была принята^[1]. Мне оставалось ждать, пока советская археология созреет. Она, так и не созрев, почил в бозе. А ее преемница, пост-советская археология сразу же захотела по крайней мере послушать, что там вещает этот еретик. Насчет же осуществимости витающих в небе теорий – жизнь приносит не только разочарования, но и счастливые неожиданности. Всё возможно, но нужно быть верно нацеленным, чтобы в нужный момент оказаться во всеоружии.

1. **Первое**, что, на мой взгляд, необходимо для успешного преподавания археологии – это ее **высокий статус**. Учебная дисциплина не может преподаваться успешно, если соответствующая ей наука не престижна, не привлекает ни талантливых профессоров, ни живую и многообещающую молодежь. Если она не пользуется общественной поддержкой и признанием. Если в стране археология не признается специальностью, не является официально признанной профессией, а считается лишь боковой специализацией истории^[2], если мы не можем стать докторами археологии, а должны стыдливо прятаться за дипломами кандидатов и докторов исторических наук, то это сказывается и на селекции кадров. Моя мать была отличным хирургом и руководителем медицины, но она очень долго стеснялась моего выбора и говорила, что у нее два сына: один удачный, а другой археолог.

Повышения статуса нашей науки можно добиваться как борьбой за законодательные решения, так и нашей повседневной работой. В ней больше места должен занимать разговор с народом, популяризация археологии и приучение народа к почитанию древностей^[3]. Возможно, что этому стоило бы уделить специальный курс в программе археологического образования. Не у каждого есть дар к популярному изложению, но азы этого дела помогут каждому археологу, а это внесет свою долю в повышение статуса нашей науки.

2. **Второе**, что необходимо, это реальное выделение и **обособление археологии** как науки, теоретически обоснованное и практичное. Конечно, ныне масса открытий осуществляется на стыке наук, а археологу, по самой природе его деятельности, необходимо знать и овладевать многими методами и знаниями из смежных и далеких наук. Но он их должен объединять на основе задач своей профессии, и прежде всего он должен владеть именно ею. Иначе дифференциация наук, заходящая всё дальше и определяющая высшее образование, не имела бы смысла.

И прежде всего нужно **отграничить археологию от истории**. Не потому, что история ей особенно чужда, а потому, что

история по ряду причин наслонилась на археологию, слилась с нею и подменила ее. Она стала выполнять ее функции на ее материалах своими методами, которые для этого не годятся. У нас это по одним причинам, на Западе – по другим, но происходит и тут, и там. И в Англии, Франции и Германии первобытную археологию и зовут-то *prehistory*, *préhistoire*, *Vorgeschichte*. Нужно выделить отдельную науку преисторию, поставить ее в ряд с древней историей, средневековой и т. д., а археологию изучать в одном ряду с этнографией, антропологией, нумизматикой, текстологией и т. д. Немногие археологи придерживались этой логики, но зато такие как Грэйм Кларк, Ирвинг Рауз, Поль Курбэн[4]. В Советской России это был Равдоникас, который создал учебник истории первобытного общества — как синтезной науки[5].

В ряде работ я отстаивал эту традицию[6]. В своих предложениях я отстаивал ее наиболее последовательно из всех – вплоть до разделения кафедр. Считаю, что кафедра преистории должна оставаться на историческом факультете (надеюсь, что институты вместо факультетов – явление экзотическое и временное), а вот насчет кафедры археологии – это надо думать, на каком факультете ей быть.

3. **Третье**, что требуется, это именно **подобрать подходящий факультет** для кафедры археологии. В разных странах аналогичные кафедры находятся на разных факультетах: где – на философских, где на исторических, где — на антропологических. С одной стороны, свои материалы археологи передают историкам и, казалось бы, сам бог велел им находиться рядом. Но это в основном археологи-медиевисты, археологи же Востока и античности больше связаны с филологами, а первобытники – с антропологами и этнографами. Если исходить из методов, то по методам, да и по многим знаниям первобытники тесно связаны с геологами и палеонтологами, также с физическими антропологами, а теперь и с генетиками. Вообще, с моей точки зрения, по всей системе методов, включая и методы точных наук, археологи родственны не историкам, а криминалистам, детективам. Археолог – это следователь, опоздавший на тысячи лет к месту событий. Он отвечает на вопросы что, где, откуда, когда и как. А вот историк – как судья: отвечает на вопрос почему и дает оценку. Поскольку история – наука о причинно-следственной связи событий[7].

Я считаю, что по всей системе методов, которыми оперирует археолог, наилучшей средой для археологов является *антропологический факультет*. Факультет, на котором с кафедрой археологии соседствовали бы кафедры антропологии (ее в Петербурге вообще нет), этнографии, четвертичной геологии и палеонтологии, теоретической лингвистики, первобытного и древнего искусства, исторической географии и климатологии, культурологии, музееведения. Не думайте, что такой факультет у нас невозможен. Он даже был близок к осуществлению. В 1995 г. в бытность ректором Людмилы Алексеевны Вербицкой я, будучи после длительного отсутствия профессором Университета, подал докладную записку с предложением создать такой факультет, а тогда факультеты рождались запросто, и записка была воспринята положительно и рекомендована к исполнению, проректору было поручено принять меры по осуществлению. Однако дело застопорилось из-за трудностей по подбору некоторых руководящих кадров.

4. **Четвертое**. Кроме того, я считаю, что такой факультет должен быть **максимально объединен с Академией наук, с ИИМКом, и с Эрмитажем**. Во-первых, лучшие силы науки должны быть привлечены к преподаванию, как это бывало в истории нашей кафедры, а во-вторых, студенты должны быть с самого начала вовлечены в исследовательскую деятельность – и это тоже у нас было[8]. Так что в принципе это вполне реально.

Идеи реализуются. Вообще хочу сказать тем, кто убежден, что это всё пустые фантазии, абсолютно неосуществимые. Да это большой отлет от реальности, а я, конечно, теоретик-фантазер. Но мои фантазии имеют одно странное свойство – они имеют тенденцию реализоваться, сбываться.

1. **Пример**. Полвека назад я мечтал написать и издать **целый корпус книг по теории и методам археологии**, а также по истории этой науки, которую я считал отраслью теоретической археологии. При известном отношении в археологической среде к теории и при том, что я не был административным лицом – никаким научным начальником – и не имел надежды им когда-нибудь стать, это было абсолютно несбыточной мечтой. Но вот же они написаны и изданы, изданы у нас, переводятся за рубежом. «Археологические источники», «Археологическая типология», «Принципы археологии», «Введение в теоретическую археологию», «Археологическое исследование», «Новая археология», «История археологической мысли», «История антропологических учений», «Теоретический словарь археологии», «Время в археологии», «Этногенез и археология», «Феномен советской археологии» и другие. Я Вам более того скажу: я вряд ли смог бы осуществить эту масштабную затею за рубежом. А здесь с великими трудностями и задержками, но осуществил.

2. **Другой пример.** В самом разгаре перестройки, в 1987 г., прослышав, что в Москве задумали создать Американский университет, я подумал, что в Питере надо бы создать **Европейский университет** — для европеизации нашей науки^[9]. Но наступали «лихие 90-е», страна была нищей. А я в это время был уволенным из Университета и лишенным степеней и званий отщепенцем, это была, конечно, абсолютно беспочвенная идея неисправимого фантазера. Но я сколотил оргкомитет, зажег этой идеей инициативных людей, помог авторитетным руководителям, возглавившим это дело, получили здание – и вот же работает в Петербурге Европейский университет. Правда, он вышел не совсем таким, каким я его планировал – в нем нет студентов, только аспиранты, и нет археологии. Но университет получился классный!
3. **И еще пример.** Я полвека боролся за формирование **теоретической археологии как отрасли**, считал, что теоретиков нужно готовить особо, вел теоретический семинар. Теоретическая археология сформировалась в середине 70-х. Но ясно, что создать *кафедру теоретической археологии* было абсолютно несбыточной затеей. И вот же она создана! Существует! Правда, в Лондоне, и заведует ею мой друг Стив Шеннан. Но наука не имеет границ. Сегодня в Лондоне (или где-то еще на Западе), а завтра в Петербурге. Как компьютеры, мобильники, джинсы и джаз. Да и те же университеты и академии. И тот же Петербург. И та же археология.

Вот поэтому я и призываю планировать великое будущее, не взирая на убогие сегодняшние реалии и ориентируясь на лучшие мировые тренды. Но не забывать, что в мире, как и у нас, есть не только лучшие. Наша главная задача – верно выбрать и определить свои идеалы. Сегодняшние идеалы – это завтрашние реалии. Я дожил до реализации некоторых своих идеалов. Доживете и вы, но для этого их надо иметь и не упускать из виду.

Есть одна древняя латинская поговорка, которую вы не знаете и не можете знать, потому что ее придумал я: *auditu aude!* Чтобы быть услышанным, дерзай!

Европейский университет от А до Я и далее. Под общ. Ред. О. Калачевой и К. Федоровой. Изд. ЕУСПб, 2006.

Клейн Л. С. 1962. Охота на львов. Специальность или специализация? — газ. «Ленинградский университет», №35 (1284), 1 июня, с. 3 и №36 (1285), 5 июня, с. 3.

Клейн Л. С. 1977. Предмет археологии. – Археология Южной Сибири (Известия кафедры археологии Кемеровского университета, вып. 9). Кемерово, издат. Кемеровского университета: 3 – 14.

Клейн Л. С. 1986. О предмете археологии (В связи с выходом книги В. Ф. Генинга "Объект и предмет науки в археологии"). – Советская Археология (Москва), № 3: 209 – 219.

Клейн Л. С. 1991а. В защиту "чистой археологии". – Советская Археология (Москва), № 2: 102 – 110.

Клейн Л. С. 1991б. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции. – Вопросы истории естествознания и техники (Москва), № 4: 3 – 12.

Клейн Л. С. 1992. Методологическая природа археологии. – Российская Археология (Москва), № 4: 86 – 96.

Клейн Л. С. 2001. Принципы археологии. Санкт-Петербург, Бельведер.

Клейн Л. С. 2004. Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология. С.-Петербург, Бельведер, 2004.

Клейн Л. С. 2005. Обучение археологии в Петербурге: традиции и проблемы. – Антропологический форум (Санкт-Петербург), № 3: 38 – 58.

Клейн Л. С. 2010. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. Санкт-Петербург, Нестор-История, 2010.

Клейн Л. С. 2012. Археология: разговор с народом. – Евразийский археологический сборник. К 60-летию С. В. Кузьминых.

Под общ. ред. А. С. Вдовина и И. В. Тункиной. Санкт-Петербург — Красноярск, б. и., 2012: 189 – 292.

Равдоникас В. И. 1939 — 1947. История первобытного общества. Части I — II. Ленинград, изд. Ленинградского университета.

Савинов Д. Г. 1994. Перечитывая учебник Равдоникаса. – Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб, Гос. Эрмитаж: 81 – 83.

Clark J. G. D. 1957. *Archaeology and society. Reconstructing the prehistoric past.* 2nd ed. Cambridge, Mass. Harvard University Press.

Courbin P. 1988. *What is archaeology? An essay on the nature of archaeological research.* Chicago – London, Chicago University Press.

Klejn L. S. 1972. Die Ausbildung der Archäologen in der UdSSR. – *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift* (Berlin), Jg. 13, Nr. 3: 443 – 456.

Klejn L. S. 1993. To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition. – *Antiquity*, vol. 67, 1993, no. 255, p. 339 – 348.

Klejn L. S. 1995. Prehistory and archaeology. – Kuna M. and Venclova N. (eds.). *Whither archaeology? Papers in honour of Evžen Neustupny.* Praha, Institute of archaeology, 1995: 36 – 42.

Klejn L. S. 2001. *Metaarchaeology* (*Acta Archaeologica*, København, vol. 72:1, supplementa vol. III). Blackwell – Munksgaard.

Rouse I. B. 1972. *Introduction to prehistory: a systematic approach.* New York et al. McGraw – Hill.

Резюме:

Для успешной работы полезно иметь нацеленность на конечный, идеальный результат. На мой взгляд, успешное преподавание археологии предполагает а) высокий ее статус и престижность, б) обособление науки как самостоятельной дисциплины, в) размещение ее в оптимально подходящем факультете (на мой взгляд антропологическом) и г) объединение преподавания с исследованием (в нашем случае с академическими учреждениями и Эрмитажем).

Summary:

For the successful work it is useful to be aimed on the final ideal result. The successful teaching of archaeology implies a) its high status and the halo of prestige, b) the establishment of archaeology as a self-reliant discipline, c) its location within an optimally fitting school (on my opinion the anthropological faculty), and d) junction of teaching with research activity (in our case with academic institutions and Hermitage Museum).

Clue words:

Archaeology, teaching, prestige, anthropological faculty, research, self-reliance.

Ключевые слова:

Археология, преподавание, престиж, антропологический факультет, исследование, самостоятельность.

- [1] Более подробно об этом см. Клейн 2010: 218.
- [2] Борьбу с этой ситуацией я начал еще с самого начала преподавательской деятельности в Университете– см. Клейн 1962.
- [3] См. Клейн 2012.
- [4] Clark 1957: 9 — 10; Rouse 1972: 28; Courbin 1988: 132.
- [5] Равдоникас 1939 – 1947; Савинов 1994.
- [6] См. об этом Клейн 1977; 1986; 1991а; 1991б; 2004; Klejn 1993; 1995; 2001; и др.
- [7] См. об этом Клейн 1992; 2001
- [8] См. Klejn 1972; Клейн 2005.
- [9] Европейский университет 2006: 94; Клейн 2010: 5515 – 517.